

18+

Виктор Кабакин

**Черный
квадрат
и «белый
китаец»**

Виктор Кабакин

Черный квадрат и «белый китаец»

«Издательские решения»

Кабакин В. В.

Черный квадрат и «белый китаец» / В. В. Кабакин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516982-2

Криминальный авторитет с помощью талантливого студента создает подпольную лабораторию по изготовлению страшного наркотика под названием «белый китаец». С ним в борьбу вступает опытный оперативник. Параллельно он предотвращает кражу знаменитого «Черного квадрата».

ISBN 978-5-00-516982-2

© Кабакин В. В.
© Издательские решения

Содержание

Корнев	6
Мальшенко	12
Солнцев	15
Корнев	17
Зверев	24
Корнев	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Черный квадрат и «белый китаец»

Виктор Васильевич Кабакин

© Виктор Васильевич Кабакин, 2020

ISBN 978-5-0051-6982-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Кабакин

Черный квадрат и «белый китаец»

(остросюжетная повесть)

«... в нем (черном квадрате) ...скроется тайна, а эта тайна так далека и глубока и бесконечна, что скорее достигнешь млечной дороги звезд небесных, нежели углубишься и обследуешь все извилины, находящиеся во мне...; и много людей-мудрецов поднимают свои взоры на далекие звезды, смотрят в телескопы, желая приблизиться к ним, и в этот момент забывают, что они сами являются звездами, которые нужно исследовать...».

Казимир Малевич*

* К. Малевич – российский художник-авангардист (1878—1935), основоположник нового направления в живописи, названного им супрематизмом (от латинского слова «супрема», означающего – высший).

Часть первая

Корнев

Андрей Корнев любил в поезде располагаться на верхней полке. Никому не мешаешь, лежишь себе, читаешь или думаешь о чем-то своем под уютный стук колес. Он любил состояние поездного кайфа – этот короткий период беззаботного существования, когда от тебя, собственно, ничего не зависит и ты полностью отдан на волю тех, кто должен заботиться о твоём удобстве в пути и своевременном прибытии на место.

Корнев повернулся спиной к стенке. Сквозь узкие щели черного квадрата окна, закрытого плотной шторой, пробивались тонкие полоски предрассветных лучиков, и на соседней полке в таинственной мгле виднелись контуры стройного тела. В каком-то полуметре от Андрея под легкой простыней лежала молодая женщина. Простыня чуть приподнялась, и открылась обнаженная почти до бедра женская нога.

Еще одно удивительное свойство поездов: незнакомые люди волею случая оказываются в обстановке почти интимной, едят, раздеваются и спят в незнакомом окружении, порой совершают действия, допустимые разве что между близкими.

Андрей почувствовал жаркое волнение. Он знал, что у женщины, лежащей напротив, карие глаза и удивительно рыжие густые волосы, которые крупными кольцами обрамляли ее лицо. Когда Андрей вошел в купе, она сидела у окна, и он ощутил на себе ее внимательный, даже, пожалуй, несколько заинтересованный взгляд. При знакомстве она назвалась Тamarой и протянула руку. Корнев с удовольствием пожал ее маленькую мягкую кисть и чуть задержал в своей ладони. Потом женщина мило с ним кокетничала, и Корневу было приятно общаться с ней. Она была одинока и ехала в отпуск, и в ее глазах Андрей читал невольный вопрос: не случится ли так, что именно он окажется ее избранником на время отдыха и, кто знает, может, на более длительный срок?

Андрей усмехнулся, вспомнив своего коллегу – любителя поездных романтических знакомств. Тот специально копил деньги и, отправляясь в отпуск, брал билеты только в «СВ». Иногда ему везло – соседкой по купе оказывалась молодая женщина, тоже не чуждавшаяся авантюрных походов. И тогда по возвращении из отпуска знакомый, захлебываясь от восторга, рассказывал об очередном любовном приключении.

Живое очертание женского тела было настолько притягательным, что Корнев, хоть и понимал, что это не совсем прилично, все-таки не мог оторваться от его созерцания. Мы ведь любуемся женскими образами, к примеру, на картинах, фотографиях, размышлял он, словно оправдывая свое повышенное внимание к женщине, сознавая в то же время, что ее стройная фигура вызывает в нем не только эстетические чувства.

Тут женщина повернулась лицом к Андрею, и он увидел, что она тоже не спит. Ее широко открытые глаза, матово блестя в рассветной полутьме, уставились на Корнева. Как-то чуть медленнее, чем надо было бы, она поправила сбившийся халатик, а затем убрала ногу под простыню.

Некое золотистое сияние исходило от женщины, оно окружило Корнева и обволокло его густой медовой патокой. У мужчины внезапно пересохло в горле. Ему вдруг показалось, что сейчас в ее глазах появился намек на нечто сладостно-тревожное, праздничное, на возможность зарождения между ними неких отношений, понятных только двоим. И еще – как бы ожидание от него решительного действия.

В этот момент поезд резко затормозил, и женщина, без сомнения свалилась бы на пол, если бы Корнев, мгновенно среагировав, не подставил свою руку. Его ладонь уперлась в мягкое плечо женщины, поддержала ее и легко отодвинула от края полки. Как бы невзначай рука мужчины задержалась на ее плече. Тамара не шевельнулась. Он медленно, осязая бархатистость ее кожи, провел наэлектризованными пальцами сначала от плеча до сгиба локтя женщины,

а затем до запястья. Наконец, взял ладонь Тамары и слегка сжал в надежде ощутить ответное пожатие как знак одобрения его действий. Однако ее пальцы остались безжизненными. Женщина вздохнула, потом взяла его руку, осторожно, но уверенно отвела от себя и отвернулась к стенке.

Корнев почувствовал, как кровь прильнула к его лицу. Ему стало стыдно. Он понял, что попал в сети взбудораженного воображения, миража, вызванного, очевидно, неверным светом, идущим от черного оконного прямоугольника, и замкнутым пространством купе. Короче, неверно оценил обстановку и получил по заслугам. А ведь не мальчик – почти сорокалетний мужик.

Женщина, не сказав ни слова, продолжала неподвижно лежать, словно окруженная черным ледяным вакуумом. Корнев откинулся на спину и, заложив руки за голову, подумал, что он фактически ничего о ней не знает. В дороге люди нередко делятся со случайными попутчиками рассказами о своей личной жизни, причем с такими подробностями, что только диву даешься. Даже не зная, что за человек перед ними. Тамара же очень мало говорила о себе, зато с удовольствием слушала молодую семейную пару, очень симпатичную и словоохотливую, которая ехала в этом же купе и сейчас спокойно спала внизу.

«Интересно, какими глазами она посмотрит на меня утром? – размышлял Андрей, ворочаясь на узкой полке. – Возможно, сделает вид, будто ничего не было. А что, собственно, случилось? Мужчина, можно сказать, спас женщину от неприятности, а потом показал ей, что она ему нравится. Что тут особенного? Ладно, будем считать, что неудачно прикадрился, – он усмехнулся. – Да, что-то не везет ему в последнее время на любовном фронте...».

Так думал Корнев, пока, наконец, не заснул.

* * *

Утром Тамара холодно поздоровалась с ним и почти не разговаривала. После завтрака Корнев с некоторой обидой снова забрался на верхнюю полку и развернул газету. Ночное происшествие казалось теперь далеким туманным сном, словно произошло оно не с ним, а с кем-то посторонним. Однако смутное тревожное чувство все-таки копошилась на сердце. Чтобы избавиться от него, он стал думать о предстоящей встрече с Сергеем Малышенко.

Часа через три он обнимется с другом, которого не видел больше года. И они вместе начнут работать по важным делам, запланированным еще в Москве. Корнев позвонил Сергею, изложил суть предстоящей командировки, сказав, что подробности разъяснит при встрече. Тот в ответ коротко сказал, что рад предстоящей встрече, и чуть подумав, добавил, что у него тоже имеется интересная информация, которую надо обсудить. Таков уж был Малышенко: сдержанный, чуть суховатый, но всегда надежный и очень работоспособный.

То, что напарником будет старый друг, чрезвычайно радовало Андрея Корнева. Это было удобно – в доверительном плане и надежно – в конспиративном. Двум обстоятельствам: доверию к партнеру и конспирации Андрей придавал самое большое значение. Невнимание к ним – основная причина провалов многих операций. А он прекрасно понимал, что масштабы его нынешнего задания отнюдь не ограничиваются только городом Ореховск, куда он сейчас направлялся.

Его размышления прервала оживленная беседа снизу. Сначала Корнев слушал вполуха. Но тема разговора оказалась настолько интересной да и близкой ему, что он стал прислушиваться. Молодой человек, рассказывая, то и дело, словно за подтверждением обращался к своей цветущей супруге Оле. Глядя на эту счастливую пару, никогда не подумаешь, что три года назад оба были законченными наркоманами, судьбы которых могли быть безвозвратно искалечены.

– Поводом, чтобы впервые уколоться, – говорил парень, – обычно является любопытство, желание показать себя не хуже других или не ударить перед друзьями лицом в грязь, наконец – испытать неизвестные ощущения... Правда, Олюша?

– А вы что ощутили в самый первый раз? – заинтриговано спросила внимательно слушавшая Тамара.

– Я-то? – парень на секунду задумался, но его уже перебила супруга.

– Когда я приняла первую дозу, мне было очень плохо, – заявила она. – Кружилась голова, тошнило. Мне, кстати, предложил заняться этим мой благоверный. – Она кивнула головой в сторону мужа, причем в интонации ее не было ни раздражения, ни попытки обвинить его.

«Так обычно говорят люди, для которых самое ужасное уже позади, когда они все для себя уяснили, все точки над *i* расставили, а проблему свою, наконец, разрешили», – подумал про себя Андрей.

Оля между тем продолжала:

– У Павла уже был кое-какой опыт в приеме наркотиков, и он мне сказал, что мы оба «полетим». И мы «улетели»: только я в сторону унитаза, так как меня рвало, как из фонтана, а мой супруг в это время «торчал», и ему было плевать на меня. Второй раз я приняла дозу, как говорится, за компанию. Находились мы на какой-то вечеринке, потом все решили оторваться. Тогда я воспарила, но приземление было ужасным, доминировало ощущение, что вместо головы гудящий чугунный колокол, все кости ломило. И у остальных было похожее состояние. «Лечились» снова дозой. А дальше понеслось, как в густом тумане...

– И долго у вас такое продолжалось? – чуть слышно спросила женщина. Как у многих, далеких от наркомании нормальных людей, встреча с ее представителями, похоже, вызывало у нее повышенный интерес, смешанный почти с мистическим ужасом.

– Нынче у меня такое чувство, что тогда была одна сплошная ночь длиной более двух лет, – говорил Павел. – Теряешь счет дням и несешься в темном тоннеле с бешеной скоростью. Окружающее просто перестает для тебя существовать. Весь твой смысл жизни в одном – уколоться. Очень быстро наступает момент, когда очередная доза тебе нужна отнюдь не для того, чтобы получить удовольствие, а чтобы только нормально себя чувствовать. Ибо ты уже в липкой паутине, в страшном ожидании «ломки». А что это такое – описывать наркоману не надо...

– Среди наркоманов популярны рассказы о веселых днях, жизни в кайф, – подхватила Оля. – Но это – ложь! Теряется все: мораль, друзья, жизненные связи... О чем с ними можно говорить? Да ни о чем, кроме иглы, дозы... Деградация неминуема.

– У меня был приятель, – продолжал Павел. – Ты, Олюша, его должна помнить. Так он, чтобы незаметно украсть героин отрастил себе длинный ноготь на мизинце. Незаметно проведет мизинцем по порошку, зачерпнет чуть-чуть...

– Это Вовка Сакетов, – подтвердила Оля. – Он умер от передозировки.

– Да, но незадолго перед этим, обнаружив Вовкину хитрость, его жестоко избили. Переломали все пальцы, а ноготь выдрали живьем. Законы в среде наркоманов волчьи. Наркомания – это, – и тут Павел, оглядываясь по сторонам в поисках верного сравнения, бросил взгляд на квадратное вагонное окно, которое сейчас было ярко освещено солнечным светом, – черный квадрат, внутри которого в отчаянии мечешься до самого скончания века. Так, Олюша?

– Или лабиринт, – подхватила она, – из которого только два выхода: тюрьма или смерть.

– Как же вы выбрались из этого лабиринта? – качая головой, тихо спросила Тамара.

– Сначала мы дошли до самого дна, – продолжал Павел по-прежнему ровным голосом. – У нас забрали ребенка. Мы продали в доме все, что можно, стали занимать деньги, а затем и воровать, только для того, чтобы достать сокровенную дозу. В итоге, я оказался в тюрьме.

– И вы так спокойно об этом говорите? – изумилась женщина.

Павел и Ольга посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Вам, наверное, это нелегко понять, – сказал Павел, – но когда возвращаешься из того мира, многое, нет – все в тебе меняется. Если ты сумел пробить черную завесу, то начинаешь понимать истинную ценность жизни. Не подумайте, что это только высокие слова. Я все это перенес на собственной шкуре. Нам с Олей сейчас просто нечего скрывать. Там, за решеткой

я впервые понял: чтобы начать новую жизнь, надо полностью очиститься, в первую очередь, душой. Я написал жене, она ответила, и я увидел, что она думает точно так же. Мы поклялись друг другу, что начнем все с чистого листа, в котором не будет места наркотикам. Было трудно, очень. В колонии меня лечили, а через два года условно досрочно освободили. Когда я приехал домой, Олюша, к счастью, тоже избавилась от наркотиков. Радости нашей не было предела...

– Среди наркоманов очень популярна жалость к себе, – заметила Оля. – А нужно совсем другое. Надо разозлиться на самое себя. Ведь я дважды лечилась. Врачи помогли мне выйти из состояния «ломки», ни разу не отказали в помощи. Однако после первого лечения у меня не хватило воли. И как-то в минуту тоскливого одиночества, хотя Павел писал часто и поддерживал меня, я не выдержала и кольнулась. Потом еще раз. И все снова пошло по накатанной колее. Я корила медицину, которая не могла мне помочь. Ругала так называемых друзей, готовых в любой момент предоставить дозу, которым, собственно, нужна была не ты, а твои деньги. Бранила Павла, за то, что посадил меня на иглу, а теперь находился далеко от меня. Пока не поняла, что все зависит только от меня собой. И тогда злость переполнила меня. Я решила: или сейчас, или, если не получится, тогда только один выход – смерть. Я задумалась впервые о самой себе, а не о том, где и как раздобыть дозу, чтобы расслабиться в очередной раз. Задумалась, без всякой жалости. И стали происходить в душе маленькие, но такие нужные перемены. Необходимо было в тот момент заполнить образовавшееся внутри меня пространство важными и серьезными вещами. Я понятно говорю? – спросила она, обратившись к женщине. Та кивнула головой.

– Ко мне вернулись мои старые добрые друзья – книги, – продолжала Оля. – Правда, пришлось как бы заново учиться читать, настолько я от них отвыкла. Через некоторое время смогла устроиться в поликлинику медсестрой, ведь по профессии я – медик. Потом вдруг увидела свою маму совсем другими глазами. Мою высохшую от постоянной тревоги за беспутную дочь, вечно с печальным взглядом маму. Раньше ее заботу и беспокойство я воспринимала как вмешательство в мою личную жизнь. Но теперь испытывала огромную вину перед ней. Это была победа: ко мне вернулись обычные человеческие чувства. И наконец, наступило время, когда мама возвратила мне нашего маленького сына, которого она забрала к себе, полагая, что его жизнь у нас находится под угрозой. Теперь она сказала, что верит мне и может доверить своего любимого внука. И я поняла окончательно, что возврата к прошлому нет. Затем вернулся Павел...

– Увы, дальше многое оказалось не таким простым, хотя самый трудный этап, вроде бы, уже был преодолен, – подхватил Павел. – Первые два месяца мы с Олей упивались упоительными ощущениями свободы, независимости и любви. И, кто знает, я снова, может быть, скатился в пропасть, если бы не моя жена... – Тут он с нежностью посмотрел на Олю. – У меня пошли встречи со старыми друзьями, частые застолья, ставшие быстро привычными, и все это едва не ввергло меня в новую пучину. Но в один прекрасный момент я пришел домой пьяный, а дома – ни жены, ни ребенка. Сначала даже не понял, что она ушла, настолько был пьян. Потом нашел записку, где прочитал, что она расстается со мной навсегда... Я вертел записку и чувствовал, что меня как будто ударили по голове обухом. Но именно этого мне в тот момент и не хватало – получить сильнейшую встряску. Потерять Олюшу и сына было смерти подобной. И я сразу протрезвел. Всю ночь промучился, а на другой день кинулся искать ее по всему городу, нашел, но вернулась она ко мне только через два месяца, дав как бы испытательный срок. И вот уже три года живем...

– Душа в душу, – подхватила с улыбкой его жена и, приподнявшись, трижды стукнула по деревянному переплету окна.

– Да, – задумчиво произнесла Тамара, потрясенная их рассказом. – Какое счастье, что все так хорошо кончилось.

– А вы, случайно, не знаете, что такое «белый китаец»? – как бы невзначай вдруг спросил со своей полки Андрей.

– «Белый китаец»? – переспросил удивленно Павел. – Несколько лет назад был, вроде, такой наркотик. Но сам я его никогда не пробовал. Говорят, страшное, убийное зелье. Правда, потом он куда-то исчез. А почему вы спросили и откуда о нем знаете?

– Так, слышал как-то, – небрежно произнес Корнев. – Название чудное, вот и запомнилось.

– Но самого главного мы вам не рассказали, – в нетерпении перебила их разговор Оля. – Как-то мы прочитали в газете «Казенный дом» – есть такое издание для осужденных с не очень греющим душу названием – объявление о том, что одна московская косметическая фирма объявила конкурс на лучший рассказ «За жизнь без наркотиков». Послали туда нашу историю и, представляете, выиграли приз. Целых пять тысяч долларов. И вот, сейчас возвращаемся из Москвы...

– О! От души поздравляю вас, – воскликнула Тамара и спросила с улыбкой: – Что же вы будете с призом делать?

Молодые люди снова переглянулись.

– В ближайший отпуск поедem в Турцию, – деловито пояснила Оля. – Я очень люблю путешествовать.

– Не забудь, что нам надо еще приобрести мебель, новый телевизор, компьютер, – добавил ее муж.

– Всему свое время, – рассудительно заключила Оля.

– Я очень за вас рада, – растроганно сказала женщина.

Она порылась в сумке, достав оттуда пластиковый пакет. Раскрыла его, и на стол высыпались удивительные фигурки зверюшек, каких-то странных, но очень забавных существ. Все они были сделаны из дерева, ярко раскрашены и покрыты лаком.

– Боже, какая прелесть! – воскликнула Оля, с интересом разглядывая игрушки. – Что это такое?

– Ореховская миниатюра, – ответила Тамара. – Когда-то известный народный промысел, а нынче почти забытый. К счастью, нашлись люди, которые решили возродить его. Кстати, скоро мы будем проезжать город, где изготавливают эти фигурки. Скажите, кто вы по знаку зодиака? – спросила она у ребят.

– Мы? – они переглянулись и рассмеялись, – оба – Близнецы. Поэтому все у нас одинаково: и мысли, и чувства, и поступки.

– Вот вам талисман на память о нынешней встрече – сказала женщина и передала им чудесную фигурку. – Да сбережет он вас от всяких бед.

* * *

Незадолго до станции Тамара покинула купе и встала у окна. Андрей собрал свои вещи, попрощался с ребятами, пожелав им счастливого будущего, и тоже вышел в коридор.

– Позвольте принести вам свои извинения, – сказал он своей попутнице. – Иногда, картина, которую рисуешь в своей голове, не совпадает с действительностью

Тамара молчала, лишь в уголках ее глаз мелькнула еле заметная усмешка. Андрей немного помедлил и задал вопрос:

– Вы бывали в Ореховске?

– Зачем вам это знать?

– Просто еду туда в командировку. Услышал из вашего разговора с ребятами название города, вот и спросил.

– Нет, я в этом городе никогда не была, – сухо сказала Тамара.

Андрей пожал плечами. Он хотел было сгладить впечатление от своего ночного поступка. Но, похоже, не получилось, и в ее памяти он так и останется примитивным вагонным волокитой. Ну, нет, так нет. В конце концов, он ни в чем не виноват. Корнев взял сумку, коротко попрощался с Тamarой и направился к выходу. Уже находясь на перроне, бросил взгляд на вагонное окно. Женщина по-прежнему стояла в коридоре и внимательно смотрела на него.

...Как ни странно, но Андрея Корнева не встретили. Собственно, никто, кроме Малышенко, его встречать и не должен был. Только Николай знал, что Корнев приезжает этим поездом. Но всегда отличавшийся пунктуальностью старый друг запаздывал, и это казалось необычным. Андрей походил по опустевшему перрону. Поезд, на котором он приехал, ушел, увезя счастливых молодых людей и странную женщину. Корнев перестал о ней думать, переключив мысли на предстоящие дела. Но где же Николай?

Достав мобильник, Андрей позвонил на квартиру Малышенко. К телефону долго не подходили, Андрей хотел было уже отключить связь, когда, наконец, в трубке раздался тихий женский голос. Андрей сразу узнал жену Николая.

– Марина, это я, Андрей Корнев. Здравствуй. Я приехал. Ты не скажешь, где Николай?

В трубке очень долго молчали. И уже сама эта тишина показалась Корневу тревожной. Потом он услышал звуки еле сдерживаемых рыданий, сквозь которые едва прорывался голос Марины.

– Андрей... Андрей... Николая убили....

Мальшенко

Хоронили Николая Мальшенко. Отыграла, как положено, траурная музыка, прозвучал российский гимн, отсалютовал почетный караул. Друзья и коллеги Николая поклялись на могиле отыскать убийцу и подвергнуть его самому суровому наказанию. Андрей Корнев тоже поклялся, только не вслух, а про себя.

Он стоял позади всех, стараясь не попадать под объектив видеокамеры, которая снимала процедуру похорон. Иногда сквозь толпу мелькало бледное и осунувшееся лицо Марины, жены Николая, в траурной оправе черного платка. С неземным выражением скорби в глазах она походила сейчас на мадонну.

Глядя на женщину, Андрей начинал чувствовать всю глубину утраты как бы ее сердцем. Перед этим чувством все остальное выцветает и меркнет. Андрей, хотя и хорошо знал Марину, тем не менее, удивлялся тому, с какой стойкостью она себя держала. Молча и отрешенно шла за гробом, с признательностью выслушивала слова соболезнования, словно машинально делала все, что полагалось, ее движения были точны и легки. Когда же гроб опустился в могилу, ни один звук не вырвался из ее уст. Лишь две слезинки, сверкнувшие на солнце алмазами, скатились по щекам. Вся сила сдерживаемой женской боли проявилась в этих маленьких прозрачных каплях...

Дважды Марина встречалась взглядом с Андреем, но ни разу ни жестом, ни словом не показала, что знакома с ним. Таков был их уговор. Андрей мучился от того, что не может поддержать ее на правах старого друга Николая.

Иное дело Эдуард Солнцев. Он все время был рядом с Мариной. Если надо, придерживал ее за локоть. Собственно он многое сделал, чтобы похороны прошли на высоком уровне. И хотя Николаю, офицеру полиции, погибшему, как сказано в некрологе, при исполнении служебного долга, были оказаны со стороны местного управления внутренних дел полагающиеся почести, все это не шло ни в какое сравнение с тем, что предпринял Эдуард. Как-то так получилось, что организация похорон легла на него. И этот дорогой гроб, обитый красным бархатом, и шикарный надгробный памятник, и море венков и цветов, и снятый для поминок лучший ресторан – его рук дело. Андрей был ему за это благодарен, сам он не имел такой возможности.

Много народу пришло на кладбище: и те, кто знал Николая, и те, кто не был с ним лично знаком. Последних привлекла торжественность похорон, а некоторые пришли поглазеть на них, как на некое шоу.

Размышляя об этом, Корнев вспомнил, как с год назад он негласно присутствовал в одном дальневосточном городе на похоронах убитого крупного мафиози. Он – сотрудник управления МВД получил тогда задание вести наблюдение за уголовными лидерами, прибывшими на церемонию. Их действительно приехало со всей России несколько десятков. Пышность процедуры, помпезность, с которой она была обставлена, привлекли внимание всего города. Самые авторитетные преступники России со скорбными лицами несли гроб, заказанный в Германии, чуть ли не равный стоимости «Мерседеса» последней модели. Гроб был перевит траурной лентой с надписью: «Дорогому другу, погибшему за веру, правду и справедливость». Сотни машин, одна за другою, медленно двигались по центральной улице города, сопровождая процессию. На кладбище был установлен трехметровый монумент – крест с распятым Христом, глядя на который, Корнев тогда подумал, что ничего более святотатственнее на свете, наверное, не бывает. Вокруг памятника стоял почетный караул из местных бандитов, и каждый час из-под земли слышались звуки траурной музыки: в гроб был встроен компьютерный музыкальный аппарат.

«Знай наших!» – таков был лейтмотив этого показного роскошного действия. «Вот кто настоящий хозяин на этой земле!» – словно хотели продемонстрировать его организаторы.

Однако истинную цель собрания знали немногие. Под предлогом похорон своего коллеги «крестные отцы» организовали очередную сходку или, как они теперь стали называть подобные встречи – совет лидеров. И речь на нем шла не только о дележе наследства убитого мафиози и пересмотре зон влияния, но и о внесении изменений в так называемый «моральный кодекс» воров в законе.

В результате спецопераций многие из криминальных авторитетов тогда оказались за решеткой.

Андрей грустно улыбнулся: понятно, почему он в той обстановке был нелегалом – выполнял задание в среде преступников, врагов. Но сейчас он находится на похоронах друга, однако вынужден снова скрывать свою личность, не имея возможность выразить публично чувства. Что это? Особенности его профессии или таково время, в котором ему приходится жить и действовать? В таких случаях он отвечал себе кратко: так надо.

Убит его лучший друг как раз накануне его прибытия сюда. Возможно, что кто-то таким образом предупреждает и его, Андрея. По опыту ему было хорошо известно, что в темных делах криминала случайностей не бывает. Но кто, кроме убитого Николая Малышенко, мог знать, с какой целью он приехал сюда?

После похоронной церемонии Эдуард Солнцев бережно подвел Марину к машине, и они уехали. Вслед за ними тронулись к ресторану и остальные. Николай, смешавшись с толпой, отправился туда же в одном из автобусов...

* * *

Поминки всегда очень скорбное дело, особенно для тех, кого они касаются непосредственно. У Николая Малышенко не было уже в живых отца и матери, но родители Марины присутствовали на поминках. Они сидели справа от нее, а слева находился Эдуард, который взял на себя роль тамады. За ним и был первый траурный тост. Его слова, звучавшие тихо, проникновенно, как и полагалось на такого рода мероприятиях, отчетливо доходили до самого края огромного зала. Сослуживцы и знакомые Николая с одинаково печальным выражением лица, стоя выпили за вечную память и упокой его души.

Николая Малышенко любили друзья и уважали недруги, которых у него было немало за то, что, как это звучит ни банально, он был честен и неподкупен. Сидя с краю длинного стола, Андрей Корнев размышлял о том, что в наше непростое время именно такие качества могут стать причиной неожиданной гибели. Его не отпускала мысль, которая муссировалась в местной прессе, а сейчас горячим шопотком то и дело проносилась в толпе присутствующих. В который уже раз Андрей перебирал в уме вчерашний разговор с Мариной Малышенко. Он состоялся на его временной конспиративной квартире, которую подготовили ему областные коллеги, именуемой в их среде «кукушкиным гнездом» или просто «кукушкой» – но названию лесной птички, не имеющей собственного гнезда.

Еще один парадокс нынешней ситуации: близкие друг к другу люди должны были встречаться тайно.

Марина появилась у него не в трауре, чтобы не привлекать излишнего внимания, в темное время суток. Город был не очень велик, и ее могли увидеть. На всякий случай она надела парик. О встрече они договорились еще предварительно. Корнев попросил, чтобы о его приезде она пока никому не говорила.

Они сидели в маленькой комнате за столом, на котором стояли чашки с остывшим чаем, и Марина нервно теребила очередную сигарету. «Она снова начала курить», – машинально отметил про себя Корнев. Молодая вдова рассказывала о своих сомнениях. Речь, естественно, шла о гибели Николая.

– Я ни за что не поверю, что его убили из-за ревности, – тихо говорила Марина. – У него не могло быть другой женщины, он мне не изменял.

Андрей знал, что любящие люди часто бывают слепыми, так как хотят верить, что любимый ими человек также безупречен в своем чувстве к ним, как и сами они по отношению к нему. Не ведаешь – живешь спокойно. Но сейчас дело в другом. Следствие, начатое в связи со смертью Николая, тоже, похоже, взяло крен в сторону версии об убийстве именно на почве ревности. Поэтому Андрей слушал Марину с особенным вниманием.

– Ты же знаешь Николая, – продолжила Марина. – Хотя вы редко виделись друг с другом, но он остался прежним. За всем этим кроется что-то другое. Что ты молчишь? Скажи что-нибудь.

– Марина, – мягко отвечал Андрей. – Дай мне время разобраться.

– Но ты тоже не веришь, что его убили из-за ревности? – с каким-то отчаянием в голосе настаивала она.

– Не верю, – сказал Андрей.

– У меня только одна надежда, на тебя, – почти молила Марина. – Раскрой эту тайну, помоги мне. В этом проклятом городе все погрязли во лжи и деньгах. Я никому не могу верить. Грязные слухи распускаются умышленно, в газете появилась статья, что у Николая была любовница, и что убийца – ее сожитель. Я спросила у редактора, откуда у него такие сведения, он лишь ухмыляется, мол, мы не обязаны докладывать, где берем информацию. Зато материал, как он и сказал, убийный, привлечет много читателей, популярность газеты возрастет... Что творится, Андрей?

Корнев ответил не сразу. Его появление в этом городе было связано с другими обстоятельствами. Эх, он даже не успел поговорить с другом о предстоящих делах. Гибель Николая перевернула все планы. Теперь он вынужден действовать самостоятельно, фактически на свой страх и риск, и объем его работы здесь резко увеличивается.

Неожиданно погас свет. Андрей зажег две свечи и поставил подсвечник на стол. Лицо Марины едва освещалось, и она в окружении мягкого, живого света казалась Андрею в своей печали и тревоге такой таинственно-трогательной, что сердце его сжалось от жалости. Ему было больно сознавать, что она переносит сейчас самые тяжкие в мире душевные страдания, связанные с потерей близкого и любимого человека, и еще не меньшие – от того, что чернят его имя. Нет, он этого не допустит.

– Я обязательно найду убийцу, – твердо пообещал Корнев.

...Когда-то в далекой юности он, как и Николай, был влюблен в Марину, добивался ее внимания. Но она предпочла друга, и Корнев уступил. Сделал он это по-юношески эффектно, пригласив Николая и Марину на вечеринку с шампанским, где был необычайно весел и оживлен, а затем исполнил на гитаре популярную в прошлом песню:

...Ну, а случись, что друг влюблен,
А я на его пути,
Уйду с дороги – таков закон,
Третий должен уйти.

Закончив куплет, он быстро встал и ушел из квартиры, оставив влюбленных одних. Он вообще уехал из города, позднее поступил в Академию МВД и остался работать в столице. Николай же с молодой женой перебрался в город Ореховск, где проживали ее родители, и поступил на службу в уголовный розыск.

– И Эдик обещал помочь, – сквозь слезы говорила Марина. – Он многое делает для меня. Я ему так благодарна.

Проводив Марину до двери, Андрей успокаивающе сжал ее плечи и поцеловал в щеку.

Солнцев

– Мне кажется, что похороны прошли идеально, – сказал Эдуард Солнцев. – Как ты считаешь?

Андрей кивнул головой, хотя в его сознании не очень укладывалось, что на поминках друга надо говорить о том, как «идеально» были организованы его похороны. Но усилия, предпринятые Эдиком, и расходы, взятые им на себя, давали ему такое право. Они стояли на балконе ресторана, и со стороны не было ничего особенного в том, что два мужчины, присутствовавшие на похоронах, беседовали между собой.

Когда-то их было трое – преданных товарищей, студентов юридического института. Водой не разлить, друг за друга горой. Если кто-нибудь из посторонних пытался внести малейший раскол в их отношения, просто даже сказать об одном из них нечто сомнительное, то немедленно получал достойный отпор. Из троих только Эдуард после окончания института пошел не в органы внутренних дел, а выгодно женился на столичной невесте и попал в адвокатуру. Но затем по какой-то причине развелся и покинул Москву. Андрей Корнев на несколько лет потерял его из виду, однако из письма Николая Малышенко как-то узнал, что Эдуард обосновался в этом городке. Увы, их встреча произошла только сейчас, после гибели Николая.

– Ты почему сел где-то на задворках стола? – недоумевал Эдуард. – А на похоронах вообще спрятался в толпе? Ведь лучшего друга хороним.

– К чему выпячиваться. Меня здесь никто не знает, – ответил уклончиво Андрей. – С Мариной я виделся накануне. Кстати, она тебе очень благодарна за помощь.

– Марина хочет уехать отсюда, – задумчиво сказал Эдуард. – Не только из-за смерти Николая, но и из-за этих нелепых слухов, которые заполонили город.

– А ты что думаешь по этому поводу? – спросил Корнев.

– Марина тяжело переживает утрату мужа и все сейчас воспринимает чрезвычайно обостренно. Пройдет немного времени, боль притупится, и тогда она сможет рассуждать объективно. Я, конечно, пытаюсь всячески ее успокоить.

– А что говорят о смерти Николая?

– Разное. Главным образом то, что его убили из-за какой-то бабы. Только я не очень верю в эту чепуху. Ты ведь знаешь Николая, он свою Марину ни на кого не променяет. А что касается баб... Ну, все мы не без греха. Хотя Колька всегда был среди нас самый степенный. С другой стороны, странное какое-то убийство, старомодное. Сейчас топором никто не убивает... Когда столько огнестрельного оружия по стране гуляет. Проще и надежнее применить пистолет.

– Ты откуда знаешь, что Николая убили топором? – удивился Корнев.

– Узнаю почерк настоящего сыщика, – улыбнулся Эдуард. – Разговор разговором, а чуть что – сразу насторожился. Да об этом все говорят, разве в нашем городке что-нибудь скроешь. Нет, хорошо все-таки, что ты приехал! Жаль, что повод только для этого слишком печальный. Никак не могу поверить, что Николая нет. А он часто вспоминал тебя, говорил, надо бы собраться всем вместе. И вот, встретились...

– Ты здесь давно?

– Года два. Разве Николай тебе не рассказывал обо мне?

– Говорил.

– Я отошел от юриспруденции, занялся творчеством. Понял, в чем моя стихия, так сказать. Живопись, художественная фотография и все такое прочее. А ты надолго сюда или только на похороны прибыл?

Внешне Эдуард сильно изменился, отметил про себя Андрей. Он помнил чуть чопорного, педантичного Солнцева в молодости, сначала зубрилу-студента, потом преуспевающего адвоката, который всегда ходил в отглаженном темном костюме и элегантном галстуке. Сегодня,

несмотря на траурный день, он был одет в дорогие джинсы и темно-коричневую замшевую куртку, под которой виднелась черная шелковая рубашка. Легкая небрежность в одежде, седоватая аккуратная бородка и усы, красиво взлохмаченная шевелюра действительно делали его похожим на представителя творческой профессии.

– Побуду несколько дней, – уклончиво сказал он. – Есть у меня одна мыслишка. Я ведь на пенсию собрался, вот и подыскиваю себе местечко, где бы обосноваться. Может, здесь посмотрю какой-нибудь домик, глядишь, и осяду.

– Места тут неплохие, – задумчиво проговорил Эдуард. – Если захочешь, я тебе помогу в твоих поисках. Нет, это здорово, – повторил Эдик, увлекшись идеей, – снова будем вместе, как в молодости. Эх, жаль, что Коли с нами нет. Значит так, траурные дела отойдут, мы с тобой встречаемся, тогда обо всем и поговорим.

Корнев

Утром Андрею позвонил по мобильному телефону тот единственный человек из областного УВД, с которым он в качестве запасного варианта должен был поддерживать оперативную связь. Кстати, одна из причин нахождения здесь Корнева инкогнито, вызвана была тем, что кое-кто из крупных городских начальников оказался тесно связанным с местным преступным миром, «крышевал», как сказали бы знатоки специфического сленга...

Сначала собеседники нейтрально порассуждали о погоде, а потом Андрей услышал от связника нужную фразу:

– Надо бы поехать на рыбалку, говорят, щука неплохо пошла.

Это означало, что имеется важная информация и необходимо увидеться. Встреча должна была состояться в березовой роще возле загородного озера, любимого места развлечений и летнего отдыха горожан. Здесь же и было найдено несколько дней назад тело убитого Николая.

В ожидании связника Корнев прохаживался по тропинке. В роще было уютно и весело, как всегда в солнечный майский денек. Легкий ветерок играл сам с собой в прятки среди веток, покрытых свежей зеленью. Во все голоса распевали птицы.

«Если бы знать, о чем они щебечут, – слушая птичий гомон, подумал Корнев. – Возможно, кто-то из этих пташек находился здесь в тот роковой момент. Интересно, воспринимают ли птицы смерть человека, остается ли у них что-либо в памяти? Вот были бы бесценные свидетели. О чем я думаю? Что за чепуха в голову лезет? Совсем рехнулся», – тут же усмехнулся он.

Андрей представил, как совсем недавно в такой же погожий день прогуливался здесь Николай. У него была назначена встреча со своим информатором. Николай, видимо, дошел до старого толстого дуба. Солнечный поток, преломляясь в сотнях молодых листиков, образовывал над ним светлый купол. Находясь под очарованием прекрасного весеннего дня, прислушиваясь к дыханию теплого дня, Николай, наверное, здесь остановился. И вдруг на его голову сзади обрушился страшный удар. За этим старым дубом и скрывался преступник.

«Успел ли Николай уловить движение за своей спиной, – снова подумал Андрей. – Мог и не слышать, к тому же тархтел трактор на поле возле озера... Судя по положению тела, удар был внезапный, и Николай не сумел на него среагировать».

На тропинке появился силуэт мужчины. Андрей зашел за ствол дуба, чтобы не сразу показаться ему на глаза. Вдруг связник не один. И тут же отметил про себя: «Так же поступил в тот раз и убийца. До чего похожи методы работы тех, кто вынужден действовать в тени: будь то преступник или сыщик».

Связник подошел ближе, встал возле дуба, спиной к нему.

«Точно, как Николай тогда», – снова подумал Корнев, выходя на тропинку.

– Здравствуйте, Андрей Петрович, – поздоровался связник.

Это был молодой оперуполномоченный уголовного розыска Евгений Сергеевич Соловьев. Сейчас он работал в следственно-оперативной группе по раскрытию убийства Малышенко, но впоследствии должен быть переведен в порядке повышения в Москву. Когда ему предложили сотрудничать с Корневым, Соловьев искренне обрадовался: ему доверили весьма важное дело да еще в контакте с представителем из министерства. Однако радость его вскоре поубавилась, так как Корнев даже не объяснил, в чем заключается задание, лишь потребовав от него полную информацию о ходе расследования убийства Малышенко.

– Рассказывай, Евгений, какие новости?

Женя дрогнул кадыком, проглатывая слюну. У него была нелепая привычка: от волнения он и дело он слюну сглатывал. Сначала это раздражало Корнева, так же как и то, что Соловьев,

постоянно повторял «Что еще?», вставляя эту фразу к месту и не к месту. Но парнем он был толковым, и Андрей скоро перестал обращать внимание на эти его маленькие странности.

– При обыске в доме некоего Маркова, подозреваемого в убийстве, нашли топор со следами крови, а также письмо на имя Малышенко. Дата показывает, что оно написано за три дня до убийства. В письме Марков обвиняет Малышенко в том, что будто бы тот воспользовался его отсутствием и склонил к сожительству его фактическую жену Быстрову Наталью. Что еще? За этим самым дубом обнаружены отпечатки следов от кроссовок Маркова.

– А пистолет? – раздраженно спросил Корнев.

– Какой пистолет? – недоуменно уставился на него Евгений.

– Пистолет не обнаружили, который пропал у Малышенко после его убийства.

– Нет, не обнаружили, – растерянно проговорил Соловьев.

– Удивительно, – с усмешкой покрутил головой Андрей. – Преступник оставил после себя столько убийственных улик, а пистолет куда-то дел. Тебе не кажется это странным?

– Что именно?

– Количество улик. Не уголовное дело, а праздник души для следователя. Все тебе на тарелочке и преподнесено. Не проще ли было Маркову выбросить топор, ну, хотя бы в озеро, чем тащить обратно в дом. Такую улику-то. А письмо? Зачем оставлять его в доме, как думаешь? Может, кто-то нам специально подбрасывает наживочку в надежде, что мы, как глупые карасики, ее заглотим?

– Я так не считаю, Андрей Петрович, – осторожно возразил Женя. – Топор был тщательно замыт, и только криминалистическая экспертиза показала, что имеются остатки крови. Что касается письма, то оно было обнаружено в печке, полусгоревшим, среди остывших углей. Лишь кое-что в нем удалось восстановить. Эксперт дал заключение, что оно действительно написано Марковым. Что еще? Налицо типичная «бытовуха». Марков не профессиональный киллер, и логика у него дилетантская, поэтому он так наследил.

– Кто этот Марков, черт возьми?

– Бывший наркоман, сидел за кражу и сбыт наркотиков, лечился в колонии. Вышел три недели назад. Говорят, что он, якобы, завязал с наркотой, но кто знает? От наркомании может излечиться только тот, кто волю имеет. Марков к таким не относится, его характеризуют человеком слабовольным, легко поддающимся чужому влиянию. Что еще? Его сожительница – Быстрова, тоже бывшая наркоманка. Когда Марков сел, ей дали условный срок. С ней работал Николай Малышенко, устроил ее на лечение, помог избавиться от наркомании. Затем она стала его информатором. Что еще? Женщина она красивая, блондинка с ярко-синими глазами. Никогда не подумаешь, что ранее подзарабатывала проституцией и чуть ли не бомжевала с Марковым. Чем только тот ее взял? Худой, невысокий...

– Черт возьми! – снова выругался Корнев.

– Вы о чем? – недоумевал Соловьев. – Дело близится к развязке. Преступник известен, найти его, думаю, особого труда не составит. Он залег на дно, но в скором времени всплывет. Куда ему деваться?

– Да-да, возможно, ты прав, – рассеянно проговорил Корнев, раздумывая о чем-то своем...

* * *

На краю города Ореховска, там, где парк переходил в дикий подлесок, на берегу местной речки, впадающей в озеро, раскинулся микрорайон, застроенный в основном пятиэтажками. Ближайшая к нему автобусная остановка так и называлась «Новый микрорайон», хотя таковым он был лет пятьдесят назад. Сейчас дома сильно обвешали и в точности соответствовали тому,

что в народе метко именовалось «хрущобами». Переселяли сюда в свое время в основном трудовой люд да пенсионеров.

Они и были первыми завсегдатаями пивного павильончика, открытого через дорогу рядом с густой рощицей. Замусоленное местечко, окруженное с трех сторон деревьями, в тени которых так хорошо смаковать пенный напиток, местный люд образно называл «малой землей». Любая коряга, ящик или пень становились удобным временным пристанищем для любителей пива. Земля вокруг была утоптана тысячами ног, повсюду валялись куски бумаги, рыбы кости, остатки хлеба.

По старой привычке местные мужички предпочитали собираться именно здесь, чтобы промочить горло и поделиться новостями. Ну, а жены приходили к павильончику, чтобы разыскать своих мужей и угнать их домой.

Затем «малую землю» облюбовали так называемые маргинальные личности, которые, увы, есть в любом городе: пьяницы, наркоманы, бомжи и прочий малопривлекательный люд. Постепенно они стали полными ее хозяевами, проводя здесь целые дни. В роще всегда можно спрятаться от посторонних глаз, тут же они отсыпались, ругались, порой дрались, выясняя друг с другом отношения.

Жители теперь с опаской стали обходить ранее популярное место. Время от времени полиция устраивала облавы, маргинальные личности исчезали, потом снова появлялись, павильончик то закрывался, то вновь открывался, и жизнь «малой земли» продолжала течь по своим законам.

Сюда и направился Андрей Корнев, предварительно порасспросив об этом злчном местечке Евгения Соловьева. Еще он попросил достать какую-нибудь одежду поплотнее, чем вызвал удивленный взгляд Соловьева, но спрашивать тот ничего не стал, как лицо подчиненное: коли столичное начальство объяснять не желает, то ему виднее. И теперь Корнев, одетый в старые потрепанные джинсы и линялую футболку, завихрив волосы, сошел с автобусной остановки, направляясь к зачумленному павильончику. Такой «выход в народ» Андрей любил осуществлять, будучи еще «зеленым» опером и работая непосредственно на «земле». И надо сказать, этот незамысловатый приемчик нередко оправдывал себя: когда Андрей вращался в гуще разношерстной публики и случайных знакомых, то в ходе отвлеченных разговоров порой мелькала весьма ценная информация, которая становилась кончиком нити, с помощью которой потом разматывался клубочек какого-нибудь запутанного преступления.

Живописный народ возле палатки вел себя оживленно, но порой излишне нервно и агрессивно. Андрей взял две кружки дешевого пива, зашел за павильон, присел на деревянный ящик, достал вяленую воблю, принялся ее чистить. Неторопливо глотая желтую влагу местного производства, он с интересом слушал, о чем беседовали два мужика с одинаково серыми лицами, по виду совсем забуддыги. Они уже приняли «четвертинку», заели ее соленой килькой, глотая неочищенной вместе с головами, и теперь «лакировали» водку пивом.

– Мента того так хватанули топором по темечку, что он сразу копыта и отбросил, – скороговоркой частил маленький вертлявый мужичок.

– Эт-то все мафия, – глубокомысленно произнес его собутыльник, лысый с белесыми навывкате глазами. – Она повсюду.

– Не-а, – не согласился вертлявый. – Его Лешка-Колесо ухлопал. Мне участковый сказал.

– Все равно мафия, – глядя перед собой, упрямо повторил напарник, медленно отхлебывая пиво.

– А может, и мафия, – согласился первый.

И оба замолчали, размышляя о некоей таинственной и могущественной силе, именуемой не совсем понятным словом «мафия», что действует в их городе и убивает людей. Потом вертлявый, у которого не осталось больше пива, принялся усиленно оглядываться по сторонам.

Особенно часто он смотрел на полную кружку, стоящую перед Корневым. Андрей позвал его жестом руки.

– Что, хочешь на троих сообразить? – спросил Корнев.

– Ха, – произнес вертлявый и застенчиво добавил. – Неплохо бы, только мы пустые.

Может, угостишь?

– Нашли лоха, – отозвался Корнев. – Пить на косяк.

Он смачно хлебнул из своей кружки, подумал с минуту, потом нехотя достал деньги и велел вертлявому:

– Ладно, иди купи пару пива.

Вертлявый обрадовано кинулся к павильончику. Спустя короткое время новые знакомые оживленно беседовали.

– Я тебя, точняк, не знаю, – заверял чернявый Корнева. – Я здесь всех знаю, а тебя – нет.

– Правильно, – согласился Андрей. – Я два дня как сюда прибыл, у меня брат там живет.

И он неопределенно махнул рукой в сторону «хрущоб». Затем как бы между прочим добавил:

– Только приехал в город, а тут похороны. Говорят, мента какого-то убили?

– Замочили, – кивнул головой чернявый, и обрадованный тем, что появился новый слушатель, подробно рассказал, как, когда и где убили, а затем добавил: – Я этого Колесо, что его грохнул, хорошо знаю, мы с ним почти соседи, он от меня через дом живет.

– Фамилия у него странная – Колесо? – недоумевал Андрей.

– Энто, не фамилия, а кликуха, – усмехнулся снисходительно лысый. – Ты, видать, срок не тянул, раз спрашиваешь?

– Нет, – простодушно признался Корнев. – А вы, по всему видать, ребята ушлые.

– Не тебе чета, – пренебрежительно сказал лысый.

– Лешка сначала «колеса» глотал, – пояснил чернявый. – Потому и прозвище такое получил. А затем колотья начал.

– А за что он убил опера?

– Все враки, что из-за Наташки – марухи его... Хотя мент к ней точно ходил, – тараторил вертлявый. – Я ее спросил как-то, чегой-то к тебе он клеится, а она говорит с усмешкой: видать, я ему понравилась. Но тут же добавила: веришь, Ген, я люблю одного Лешку и дождусь его. Мне никто не нужен, кроме него. Колесо, если и убил мента, то только за то, чтобы отомстить. Ведь этот мент три года назад отправил его баланду в зону хлебать.

– Баки не заливай, – поморщился лысый. – Эта Наташка еще та давалка. За наркоту что хошь сделает.

– Да не, – запротестовал чернявый. – Она уж с год как завязала.

– Ну и зверь этот Колесо? – поразился Андрей.

– Не-а, он мухи не обидит. А после зоны вообще тихой стал, затюканный какой-то, слова из него не выжмешь. Я у него спросил: Леня, ты сейчас колешься, а он мне – нет, я эту гадость теперь на дух не переношу. Сам удивляюсь, что на него нашло? – вертлявый растерянно развел руками. – Может, моча в башку ударила.

– Теперь, видно, снова посадят Колесо? – поделился соображением Корнев.

– Какой там. Он из дома сбежал вместе с Наташкой. Напужался. Хотя по секрету скажу, – он наклонился к Андрею и, глядя на него доверительно-настороженным взглядом, снизил тон голоса почти до шепота, – по ночам кто-то в его доме шастает. Точняк. Я как-то со сна встал водички испить, в окно глянул – в его дворе ктой-то стоит и тень чья-то движется. Я струхнул, но гляжу. Минут через пять все исчезло. Вот я и думаю, кто ж там ходил. Может, Колесо? Али призрак какой? Я этих призраков до смерти боюсь.

– Ну ты, фуфлыжник, – презрительно сказал лысый. – Бреши, да не зарывайся. Хлебало захлопни.

– Клянусь мамой, так и было, – горячился вертлявый. – Сам видел.

– Чего-то ты мне не нравишься, мужик, – вдруг неожиданно сказал лысый Корневу, оглядывая его так, словно впервые увидел.

Белесые глаза его от выпитого «ерша» стали красными и злыми.

– Я вспомнил тебя. Ты, гад, в прошлом месяце у меня деньги брал на водку, сказал, сейчас принесешь и заныкал. Что, не помнишь, сволочь? На этом самом месте я тебе бабки дал. Теперь чужаком прикидываешься. Ну, гони монету...

Вертлявый сначала оторопело глянул на товарища, но тут же завопил:

– Е-мое, я думаю, где видел эту морду. Точняк, деньги зажилил. Теперь и я тебя узнал.

Андрею стало смешно. Собутыльники, только что пившие на дармовщину его пиво, решили еще его и попотрошить. А вдруг получится взять на понт.

– Мужики, вы меня с кем-то спутали. Не был я здесь в прошлом месяце, – миролюбиво сказал он.

– Слышь, Гена, не хочет добром отдавать. Придется проучить. Ну, – грозно сказал белесый. – Пойдем в лес, поговорим.

Корнев вздохнул, пожал плечами.

– Так вы на добро отвечаете. Давайте, хоть пиво допьем.

– Точняк, – охотно согласился вертлявый. – Зачем добру пропадать?

– Может, договоримся. Будем считать, что я с вами за водку пивом рассчитался, – предложил Андрей. – И с миром разойдемся.

– Ты чо, нас за дундуков держишь? Сравнил, два нет три пузыря водяры за две склянки пива. Сдрейфил? Гони бабки.

Оба забулдыги угрожающе придвинулись к Корневу.

– Что за базар, работяги?

Возле спорщиков внезапно появился молодой парень. По аккуратной одежде и манерам видно было, что он явно не из местной шушеры. Но держал он себя так спокойно и уверенно, словно являлся здесь подлинным хозяином.

– Ты кто такой? – оба уставились на наглого парня, напрягая лица и пытаясь что-то сообразить.

– Про Коня, думаю, слышали? – весомо сказал парень, холодно сощурился взгляд.

Лысый и вертлявый смешались, глаза у них забегали. Видно, упоминание о «Коне» явилось для них весомым аргументом. Подошедший небрежно бросил:

– Так я его кореш.

– Он, – льстиво сказал лысый, кивнув на Корнева. – Деньги у нас взял, а отдавать не хочет.

Парень смерил Корнева презрительным взглядом.

– Этот, что ли? – сказал он. – Ладно, я с ним сам разберусь. Но если заява не подтвердится и вы тьюльку гоните, пеняйте на себя.

– Да мы чо? – заладили в один голос лысый и вертлявый. – Он сам признал: мол, я вам пиво нынче ставлю, а вы мне мой прежний долг прощаете.

И решив за благо больше не испытывать судьбу, они подобру-поздорову быстро убрались. Корнев и парень отошли от павильончика, поглядели друг на друга и захохотали.

– Однако ты, Женя, молодец. Так роль сыграл, залюбуешься.

– Да и вы ничего. Я ведь думал, с Москвы чинуша приехал, сейчас начнет проверки делать, недостатки вынюхивать, разносы устраивать. Нет, вы – свой. Что еще? Когда вы одежду попросили, я решил, к чему ему, дай погляжу. А вы для дела. Только зря вы мне не сказали, что именно задумали. Нельзя у нас без прикрытия.

– Ну, извини, коли так получилось, – миролюбиво сказал Корнев, пожимая руку своего спасителя. – Кстати, Евгений, сегодня ночью у нас может быть работа. Ты как? Готов?

* * *

Несколько лет назад в Москве промышлял наркотиками некто Баев. Он нашел способных студентов химического факультета одного из столичных ВУЗов и за хорошие деньги предложил им подработать. В чем заключалась работа? Умные ребята, не имевшие ученых званий и дипломов, в короткое время по выведенным ими самими формулам смогли в подпольной лаборатории синтезировать новое химическое вещество, являвшееся сильнодействующим наркотиком. По своим качествам этот наркотик в тысячи раз превосходил всем известный опий. И назывался он «белым китайцем», возможно, из-за светло-кофейного цвета. Преступная группа не успела окончательно развернуться, на ее след напали и, в конце концов, обезвредили. А чтобы ее участники не могли общаться друг с другом, их отправили отбывать наказание в колонии, расположенные в разных краях огромной России.

Об этом Андрей вполголоса и рассказывал сейчас Соловьеву, решив, что пора посвятить его в свою миссию. Помощник ему нужен, а Соловьев, похоже, действительно парень честный и порядочный. Кроме того, знает местные криминальные порядки.

Улочка на окраине города, на которой они очутились, как бы олицетворяла два разных мира, вынужденных отныне сосуществовать друг с другом. С одного ее края тянулись выдавшиеся старые, неприглядные избышки с полуразвалившимися оградами. Другая же сторона улицы была отдана на откуп новым хозяевам жизни и теперь активно застраивалась двух-трехэтажными особняками. Корнев и Соловьев сидели на втором этаже пустого недостроенного коттеджа и пили кофе, наливая его из двухлитрового термоса, предусмотрительно захваченного Евгением. Уж очень удобный был наблюдательный пункт: как раз напротив избышки пропавшего Маркова. Весь двор, слегка освещенный уличным фонарем, был перед ними как на ладони. Пока Корнев пил кофе, Соловьев наблюдал за домом.

– Понимаешь, Женя, мы тогда думали, что опасность пресекли в корне. Можно сказать, мир спасли от серьезной угрозы. Ведь по своим страшным последствиям новый наркотик не имел себе аналогов. Увы. Вдруг он снова всплыл. Сначала был арестован мелкий продавец, а затем и курьер, перевозивший «белого китайца». И ниточка потянулась в Ореховск, что само по себе странно, ибо организаторы такого рода дел стараются обычно затеряться в крупном, столичном городе, где под рукой и обширный рынок сбыта.

– А где сейчас Баев? – задумчиво спросил Соловьев.

– Убит в колонии во время драки между осужденными. Нет, похоже, появился новый хозяин и действует он нагло, явно нестандартными методами.

– В чем опасность нового наркотика?

– Из одного грамма синтезированного препарата «белого китайца» можно приготовить до двадцати тысяч доз наркотика. А каждая доза стоит, между прочим, полторы-две тысячи. Представь только, какие заманчивые перспективы открываются перед его производителем, насколько он компактен и удобен в перевозке. Не надо забираться за край света, чтобы добыть зелье, производство можно наладить где угодно. Но самое страшное даже не в этом. После одного-двух приемов человек становится намертво «привязан» к наркотику, «убойная» сила его чудовищна, а малейшая передозировка приводит к смерти.

– Мы здесь такого наркотика не встречали, – с сомнением сказал Соловьев. – Если бы что-то подобное было, то оно непременно всплыло.

– Обычными методами его не распознаешь. Поэтому вы его могли и не обнаружить. Даже в Москве специалисты не сразу определили формулу этого наркотика.

Они помолчали, потом Корнев добавил:

– Нет, ты только подумай, студенты-молокососы фактически совершили открытие в химическом синтезе. Когда мы показывали их разработки маститым докторам наук, те

в изумлении только руками разводили. Эх, не оскудела еще российская земля гениями! Если бы не сомнительные личности, а государство взяло ребят под свое крыло, какими бы открытиями они порадовали общество, как бы двинули вперед прогресс. А ныне, вместо того, чтобы заведовать научными кафедрами и лабораториями, они сидят в местах весьма далеких от науки.

– За дело и сидят, – заметил прагматичный Евгений. – Учились бы себе и учились. Кто мешал? Так нет, подавай им все и сразу. Кстати, все ли сидят? – снова засомневался он. – Без талантливого химика подобное дело не раскрутишь?

– Смотришь в корень, – похвалил его Андрей. – Слушай дальше: самый гениальный из студентов-химиков, который собственно и вывел формулу «белого китаец», после осуждения сначала лечился от наркомании в одном из специальных лечебных учреждений в Тамбовской области. Затем его отправили отбывать наказание в колонию общего режима. Там он показал себя примерным мальчиком, получил условно-досрочное освобождение и... исчез. Домой, к матери в Тверской край не вернулся. Проверяли его по старым связям, дальним и близким родственникам – как сквозь землю провалился. Не исключено, что именно он сейчас и промышляет в вашем городе.

– Как его фамилия?

– Зверев Александр Васильевич.

– Такого не знаю, – покачал головой Евгений. – А остальные химики?

– Остальные еще в зоне отдыхают.

– Может, кто-то еще додумался до рецепта «китаец»?

– Нет, – сказал Корнев. – Анализ показал, что нынешняя партия наркотика точь-в-точь совпадает с той, семилетней давности. Словно, близнецы-братья...

– Тише, – Евгений вдруг схватил Корнева за руку. – Смотрите сюда.

То, что увидели оба сыщика, действительно представляло интерес. По двору, стараясь держаться в тени, к дверям дома осторожно пробиралась фигура человека. Вот, на секунду она мелькнула в отблеске фонарного света, и стало ясно, что это —худощавая женщина, одетая в брюки и свитер. На голове у нее была маленькая кепка, не скрывавшая светлых волос. Повозившись с замком, женщина исчезла в дверном проеме. Андрей и Евгений переглянулись.

– Это Наташка Быстрова. Надо сейчас же ее брать, – прошептал Соловьев. – Иначе в темноте потеряем.

Корнев, не отвечая, стал пристально вглядываться во что-то за избушкой. Сначала он решил, что ему показалось, но через мгновение увидел, как две мужские фигуры, появившиеся из-за стены, стремительно скользнули в дверь, куда перед этим вошла Быстрова. В доме послышался сдавленный женский вскрик, затем все стихло, а спустя короткое время двое мужчин снова появились во дворе, держа в руках длинный сверток, обернутый в простыню. Они быстро свернули за угол дома и исчезли в темноте.

– Немедленно вниз, – скомандовал Корнев.

Однако когда они выскочили на улицу, то услышали только звук удалявшегося автомобиля.

Зверев

Вот уже сколько лет ему снилось одно и то же: великолепный квадратный зал в готическом стиле, а в нем по внешнему кольцу огромного стола сидят в черных мантиях и шапочках с кисточками благообразные люди с умными лицами. Председатель этого блестящего собрания держит в руках украшенную вензелем красную папку и зачитывает текст, затем все встают, аплодируют и устремляют улыбающиеся лица ему навстречу. Он, Зверев, тоже в мантии, степенно идет к председателю и из его рук получает диплом лауреата Нобелевской премии за выдающиеся открытия в области органической химии. А дальше – вспышки фотоаппаратов, телекамеры, нацеленные на него, руки журналистов с диктофонами, тянущиеся к нему, и их вопросы:

– Господин Зверев, как вы сами оцениваете ваши открытия?

– Это переворот в общественном сознании, – непринужденно говорит он. – Теперь возможности нашего разума поистине безграничны. Нет больше пределов человеческой памяти. Мы можем черпать из этой кладовой поистине бесценные сокровища знаний. Отныне человек действительно сравнялся с богом.

Зверев Саша, по прозвищу «Химик», никогда не видел наяву процедуру присуждения Нобелевских премий. Но она почему-то именно так рисовалась ему во сне еще в школьные, а впоследствии и в студенческие годы. Такие сны будоражили его, тешили самолюбие, приятно подстегивали тщеславие, и ему по молодости лет казалось, что дорога от них к действительности не такая уж и большая.

Снились они порой и сейчас... Однако пробуждение после этих снов было ужасным. Он просыпался всегда в одно и то же время, незадолго перед рассветом, и старался по привычке отрешиться от той действительности, в которой теперь находился, от стойкого запаха большого скопления людей, спящих в комнате, их храпа и сонного бормотания, порой переходящего в нервный бред или болезненные вскрикивания. Это был короткий миг, когда он мог быть предоставленным самому себе. Он лежал в кровати, закрыв глаза, так как знал, что тусклый свет вечно горевшей лампочки в дальнем конце комнаты, где за столом, опустив голову на руки, дремал дневальный, начнет вовлекать его в нынешнюю реальность, чего ему больше всего не хотелось. Он желал остаться в своих мечтах еще хоть на несколько минут.

Иногда ему начинало казаться: все, что с ним случилось и что происходит сейчас, является ничем иным, как кошмарным сном, а то, что ему снилось – и есть настоящая действительность. Тогда он ужасался: неужели наркотические видения не оставили его, и последствия наркотиков, которые он уже не употреблял много месяцев, еще цепко держат его в своих острых когтях?

Он встал с кровати и пошел по длинной комнате мимо дневального, тут же поднявшего голову и оторопело глядевшего на него.

– Мне на «танк» нужно, – сказал он.

Дневальный, понимающе кивнув взлохмаченной от сна головой, спросил:

– От шамовки что ли тебя понесло?

– Ништяк, – успокаивающе махнул он рукой.

Зверев прошел в уборную. Когда-то его коробило от уголовной лексики, а теперь он сам спокойно ее применяет. Здесь быстро привыкаешь к фене. Пожалуй, так забудешь русский язык и совсем дойдешь до ручки. Нет, с завтрашнего дня он будет читать только классику. Он еще поборется, он возьмет свое. Так думал он, стоя под окном и вдыхая свежий воздух, идущий через зарешеченное окно. Срок его наказания когда-нибудь кончится, и он вернется домой. Ему не будет и двадцати шести лет, он еще молод, можно многое сделать. А уж с его светлой головой, он не пропадет.

Если бы он не ввязался тогда в историю, то ныне наверняка бы уже защитил кандидатскую, а может, чем черт не шутит, и докторскую диссертацию. Однако очень интересное дело ему предложили, и оно совпадало в какой-то степени с его заветной мечтой.

Химия со школьной парты являлась для него наукой наук. Кому-то формулы казались нудным материалом, который приходилось с ненавистью зубрить, но для него они были, все равно, что ноты для музыканта. Он видел в них симфонии и оратории. До сих пор Зверев помнит восторг, охвативший его, когда на первых уроках химии он сумел из насыщенного раствора получить чудный кристалл изумрудного цвета, а затем вывести формулу, объясняющую это явление.

Вот тогда Саша понял, что химия позволяет проникать в природу вещей, что все многообразие окружающего мира сводится к вполне ограниченному числу элементов. Из них, понимая законы взаимодействия, можно создать все, что угодно, а тот, кто владеет этими законами, приобретает поистине неограниченную власть над всем. Со временем, думал Зверев, он сотворит уникальное вещество, с помощью которого, воздействуя на мозг человека, можно значительно увеличить его возможности, черпать из кладовой подсознания любую информацию. И тогда произойдет коренная революция человеческого общества, вселенский триумф науки. И сделает это именно он – Зверев Саша.

Как неоднократно победителю всероссийских и международных олимпиад, способному молодому человеку после окончания средней школы предложили на выбор любой химический вуз страны без всяких вступительных экзаменов. Он выбрал химический факультет МГУ. Его блестящий подъем по гранитным скалам науки продолжался и здесь, пока на третьем курсе он не познакомился с наркотиками.

На самой обычной студенческой вечеринке в общежитии молодые люди из любопытства, а еще больше – из-за ухарства перед девушками покурили сигареты, набитые анашой. Легкий кайф, который тогда ощутил Зверев, особого впечатления на него не произвел. Но в последующем, когда дозы были увеличены и Саша от курения перешел к игле, ему стало чудиться, что он испытывает состояние, которое граничит с тем, к чему он стремился в своих научных исканиях.

Во время действия наркотика время и пространство стали для него как бы доступными. В своих видениях он видел себя то на Марсе или вообще в другом созвездии, то свободно парившим в синем небе, то на дне океана. Либо вдруг оказывался в эпохе неолита, среди пещерных людей, или в непонятном и занятом будущем... Химические формулы, плававшие над ним, связывались в гармоничные системы и немедленно превращались в самые разнообразные вещества. Ему казалось, будто он коснулся самых тайников мироздания.

Но все исчезало, как только действие наркотиков прекращалось и наступало состояние отрезвления. Отравленное сознание воспринимало действительность как нечто ужасное, обычные удовольствия начинали казаться мелкими и незначительными, даже наука переставала приносить радость, формулы выглядели мертвыми, а организм требовал немедленного освобождения от стальных лат, которые давили и корежили тело так, что от боли перехватывало дыхание и хотелось лезть на стену.

Однажды сосед Зверева по комнате в общежитии и его однокурсник – Куролесов высказал мысль, которая иногда приходила в голову и самому Александру. Куролесов без особых церемоний заявил, что появилась прекрасная возможность подзаработать, нужно помочь одним людям создать синтетический наркотик, именуемый «белым китаец». Эти люди оплатят расходы на препараты и реактивы, на создание лаборатории да еще дадут хорошие «бабки» за услуги. Идея увлекла Зверева. Теперь целыми вечерами друзья занимались тем, что составляли формулы синтеза и разрабатывали технологию изготовления нового наркотика, который в миллионы раз будет сильнее всех, ныне известных. В подмосковном городе им была куплена заказчиком – неким Баевым – квартира, куда привезено необходимое оборудование для под-

польной химической лаборатории. Через несколько месяцев студенты-химики получили первые граммы наркотика. Баев был очень доволен и неплохо расплатился с юными дарованиями.

Однако, когда дело, казалось, пошло в гору, и Зверев уже мечтал о том, как он скоро приедет в родной город, где жила его мать, на новеньком «Мерседесе», обещанным ему Баевым качестве вознаграждения, случилась катастрофа. И Саша Зверев, вместо уютной кабины модной автомашины, очутился в весьма некомфортной камере известной Бутырки, ранее пугавшей его лишь своим названием, а затем ставшей на долгие месяцы «родным» казенным домом. Впоследствии был суд и шесть лет строгого режима с принудительным лечением от наркомании.

Корнев

Когда Андрей «влезал» в новое дело, то ни о чем другом уже и думать не мог. Такова была особенность, не столько его характера, сколько качеств сыщицкой натуры, приобретенных за многие годы напряженной работы. Требовалось постоянно что-то сопоставлять, размышлять, пытаться понять запутанные действия и хитросплетения замыслов преступников, одним словом, быть всегда начеку, чтобы не упустить контроля над ситуацией. В противном случае, можно запросто проиграть, а цена проигрыша часто равнялась цене жизни.

Поэтому побыть в беззаботном кругу друзей или просто в уютном одиночестве, размышляя о чем-то приятном, не связанном со службой, приходилось в основном в отпуске. В подобных случаях Андрей говорил себе: ничего, уйду на пенсию, время будет принадлежать только мне, тогда все и наверстаю, прочитаю массу интересных книг, буду посещать музеи, театры... Так он себя успокаивал, хотя прекрасно понимал, что без нынешних его дел, рискованных, смертельно опасных, но именно в силу этого очень заманчивых для настоящего мужчины, он просто не сможет существовать, ведь они – смысл и цель его жизни.

Но сейчас, проходя по улице, он вдруг увидел афишу на круглой тумбе, извещавшую о выставке художника Казимира Малевича. Он был поражен: в таком далеком городе столь редкий художник? Да кто здесь знает о нем? Корнев когда-то видел картины Малевича, выставленные в Москве, и они оставили в нем смутное, неоднозначное воспоминание о себе. Он так до сих пор и не прояснил для себя настоящего отношения к этому художнику. Андрей назвал бы свое восприятие так: любопытство, соединенное с недоумением от встречи с чем-то необычным, неординарным. Глубже разобраться он не имел возможности. Но интерес к художнику остался, и сейчас, увидев его выставку, заинтригованный, он решил воспользоваться моментом, чтобы обновить, а может быть, и пополнить свои впечатления.

Впрочем, была еще одна причина особого внимания Андрея к этому мастеру. Непосредственный начальник Корнева, никогда не унывающий Георгий Симонян обычно так наставлял своих подчиненных:

– Глянь сюда, ядрена вошь, – это было любимое выражение начальника, – я тебе сейчас наглядно покажу, как надо работать.

И он рисовал на бумагу карандашом квадрат.

– Этот квадрат – дело, которое мы раскрываем. Все, что лежит за этим квадратом, нас не касается. Нас интересует только то, что внутри, и здесь мы должны знать все, до самых, как говорит известная телереклама, кончиков. Пока же квадрат для нас сплошное белое пятно. Но когда он из белого превратится в абсолютно черный, – тут он жирно заштриховывал квадрат, – и нам все в нем станет ясно, вот тогда мы будем радоваться, есть шашлык и запивать его молодым вином. Понял, ядрена вошь?

Этот симоняновский черный квадрат стал впоследствии для Корнева некой путеводной звездой в работе. И когда он узнал о художнике, который для себя и других тоже открыл «Черный квадрат», превратив его в высшее достижение своего творчества, то, естественно, не мог остаться к нему безразличным.

Выставка помещалась в красивом бирюзового цвета здании второй половины ХУШ века, бывшем Путьейном дворце Екатерины Великой, построенном Потемкиным накануне путешествия царицы на юг. В советское время дворец заняли местный краеведческий музей и картинная галерея. Нынче их основательно потеснили коммерческие фирмы и киоски, расположившиеся на первых этажах дворца, а его ажурные окна были закрыты размалеванными рекламными щитами.

Народу на выставке было немного. Не то, что в Москве, где ажиотажный спрос на когда-то замалчиваемого, а затем вновь открытого художника, умело подогреваемый рекламой,

создавал часовые очереди любопытных и интересующихся. Здесь вся выставка умещалась в двух небольших залах. Но самая знаменитая картина – «Черный квадрат» присутствовала, и сейчас вокруг нее толпилась небольшая группа людей, среди которых Андрей увидел Эдуарда Солнцева.

Друзья обнялись, со дня похорон они встретились впервые. Эдуард, показывая на молодых людей, пояснил:

– Это – мои ученики, коллеги, мастера-художники. Способные ребята. Я у них как бы за наставника. Постоянно приобщаю их к разным направлениям в искусстве, чтобы не теряли форму. Все новые выставки посещаем. А уж Малевича – сам бог велел. Ты, наверное, не знаешь, но лет сто назад он жил в Ореховске, правда, недолго, месяца два. Поговаривают, что у него здесь случился даже какой-то роман с местной девицей. По одной из версий, именно в нашем городе у него окончательно созрела идея «Черного квадрата» как высшего достижения учения о супрематизме. В память об этом событии сейчас и решили организовать в нашем городе его выставку. Знаешь, как сам Малевич охарактеризовал эту картину? «Прорыв в незнание!» Каково?

– Сильно, – согласился Корнев.

– Парни, вы пока здесь сами ходите, а я с другом пообщаюсь, – скомандовал Солнцев, обращаясь к молодым людям.

Андрей и Эдуард, не торопясь, стали прохаживаться по залу.

– Как у тебя дела? Присмотрел какой-нибудь домик? – спросил Солнцев.

– Пока нет.

– Давай в это воскресенье встретимся у меня. Марина тоже придет. Там все и обсудим. У меня есть на примете неплохой вариант. А ты что, тоже интересуешься Малевичем?

– Так, зашел сюда случайно.

– И каково впечатление?

Андрей неопределенно пожал плечами.

– Нет, брат, ты не скромничай. Малевича надо знать. Это гений. Он считал себя властителем умов, имел массу последователей. Кстати, на аукционе в Лондоне одна из его картин ушла за восемьсот тысяч долларов. А когда-то его просто смешивали с грязью, как часто у нас делали. Посмотри сюда.

Солнцев подвел Андрея к картине «Уборка ржи».

– Видишь, крестьяне как будто заняты привычным делом – уборкой урожая. Но разве хлебные снопы они вяжут? Что выходит из их рук? Металлические трубы. Выращивали они живое растение, а получили в итоге мертвый металл. Разве это не символично? А сюда погляди.

Эдуард показал рукой влево, где висела картина «Дровосек».

– Дерево ли он рубит? Нет, из-под топора вылетают блестящие стальные чурки. Мир, окружающий человека, беспощаден, безразличен и холоден, как металл. Бездушные и зло настолько овладели людьми, что, сами того не ведая, они автоматически воспроизводят его. Как в таком мире жить человеку?

Корнев покачал головой, слушая Эдуарда.

– По-моему, твоя трактовка слишком печальна, – сказал он.

– Как и жизнь художника. Ведь он не признавал реалистическое искусство, пытался стать новатором в живописи. Он хотел изменить привычные представления о мире. И истинно верил, что мир является таким, каким он его себе представлял. Измененное сознание – явный признак гениальной, творческой природы. Или, – Солнцев немного помолчал и сказал вдруг с усмешкой – болезненного воображения. Изменить сознание, кстати, можно и с помощью наркотиков.

– Причем здесь наркотики? – удивился Корнев.

– Это я так, к слову.

– А что ты скажешь про «Черный квадрат»?

– Всем известно, – снова усмехнулся Солнцев, – что черный цвет олицетворяет зло, силу тьмы. Все жестокое любит действовать под покровом темноты...

– Или всевышнюю скорбь и сострадание, – заметил Корнев, вдруг вспомнив черные от боли глаза Марины и ее траурный платок. – Все зависит от точки зрения

– Ты, пожалуй, прав, – согласился Эдуард. – Так тоже можно трактовать. Хотя художник считал, что его «Черный квадрат» – это дорога в бездонный космос. И вообще, последнее слово в живописи. Однако если все многообразие жизни и многоцветие мира можно уместить в обычном черном квадрате, значит, это – предел. Последняя черта. За которой ничего нет. И не будет.

– Эх-ка, куда тебя потянуло! – воскликнул Андрей.

– Это я так, – нервно засмеялся Солнцев. – Чисто философское толкование.

– А может, «Черный квадрат» – это окно в нечто такое, что каждый понимает по-своему: для кого-то это темная мгла, сплошная ночь, для другого – солнечный свет; земляничная поляна или непролазная топь, ласковая улыбка или звериный оскал, рай или ад... То, что увидишь в «Черном квадрате», что найдешь и возьмешь, зависит только от тебя, – заметил стоящий рядом благообразный старичок, который внимательно прислушивался к разговору приятелей.

– Интересная мысль, – воскликнул Солнцев. – Хотя, на мой взгляд, это все-таки окно в никуда... Извини, – тут же заторопился он, – к сожалению, я должен уходить. До встречи в воскресенье в моем доме. Там и отведем душу в дружеском застолье.

Он подошел к своей группе, которая оживленно спорила о какой-то картине. Спор быстро утих, и все дружно направились к выходу.

«Контактен, эрудирован, раскован, увлекательный рассказчик, но самоуверен и любит рисоваться. Что еще? Легко подмечает реакцию собеседника, и немедленно отвечает на нее. Правда, что-то его беспокоит», – верный своей привычке все анализировать, почти автоматически констатировал в уме Андрей, как бы подводя итог только что состоявшейся беседе с Солнцевым.

Это «хобби» – составлять мгновенные психологические портреты собеседника, началось у него еще со студенческой скамьи и впоследствии не раз ему помогало. Осознав, что речь-то идет о старом друге, он усмехнулся.

* * *

Профессионал обычно сразу ощущает, есть за ним хвост или нет. Вот и Андрей вскоре после приезда в Ореховск почувствовал, что его «ведут». Это не особенно его смутило. Сыщику постоянно приходится за кем-то или чем-то следить. Либо за ним кто-то наблюдает. В первом случае, делаешь все, чтобы тебя как можно дольше не раскрыли, во втором, наоборот, важно вовремя заметить преследователя и принять соответствующие контрмеры.

Но кто за ним решил побегать сейчас? То ли здесь чье-то желание пощекотать ему нервы, проверка, так сказать, на вшивость, то ли его действительно начали подозревать и хотят узнать, куда он ходит, с кем встречается.

Корнев перебирал в уме возможные варианты. О его настоящей миссии знает только непосредственное начальство в Москве, оттуда утечки информации быть не могло. В этом городе он знаком с Мариной, но даже подозревать ее смешно. Эдуард Солнцев? Чепуха. Остается оперуполномоченный Соловьев. Он уже раз засветился в слежке. Правда, он тогда пришел на помощь Андрею в его конфликте с местными пьянчугами. Но где гарантии, что он не продолжает следить за ним? Если так, значит, ведет двойную игру. Хотя его рекомендовал человек, которому доверять можно. И все же...

Корнев чуть пожалел, что раскрыл перед ним кое-какие свои планы. Даже эта ограниченная информация может насторожить противника. О предательстве в своих рядах он знал не понаслышке.

Андрей чувствовал, что нынешняя слежка не была тотальной. Лишь в некоторые моменты интуиция ему подсказывала: за ним сейчас следят. Обычно, куда-то направляясь, Корнев обязательно проверял, есть ли за ним хвост. Это стало для него таким же естественным, как утренняя чистка зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.